

ХОРОВАЯ МУЗЫКА А. ШНИТКЕ В НЬЮ-ЙОРКЕ!

Приди к моей душе и знай, что ты пришел к себе.

G. von le Fort, Passion, 1

В мае - концерты Русского Камерного Хора Нью-Йорка ! Каждая такая радостная встреча несет в себе много неожиданного . Но неизменно одно – ощущение уникальности явления. Здесь – не только высоко профессиональный коллектив, и не только талантливый дирижер, и не только прекрасная музыка, здесь – нечто большее, выходящее за пределы культурного события...

«Русский», «русское» - что это? Какое место этих понятий в планетарном контексте? Вопросы – далеко не праздные и не риторические. Мучительны и бесконечны поиски «национальной идеи» на «одной шестой части света» в попытках сделать хоть немного предсказуемым и цивилизованным путь огромной страны... Не менее актуальны эти вопросы и вне «большой родины», ибо каждый из нас, эмигрантов - «русский», независимо от национальной принадлежности. Но о «русской» диаспоре, общине, подобной другим национально-культурным сообществам, речь даже не идет! И на фоне нашей разобщенности поколение детей вообще решает вопрос о сохранении русского языка... И в то же время русская культура, русское искусство, «по умолчанию», определяют высочайшую духовную ступень в мировом контексте... Видимо, в бессилии объединить все эти явления в единое ментальное понятие и появилась пресловутая «загадочность русской души»...

И все же уже четверть века на эти вопросы очень самобытно и убедительно отвечает **Николай Качанов** и его **Русский Камерный Хор Нью-Йорка**.

Сама история этого хора, путь Николая Качанова – как это все по-русски!... Ну да, все знакомо: талантливый человек, которому тесны рамки «морального кодекса строителя коммунизма»... Прыжок за «железный занавес»... и в 1981 году – в Нью-Йорке. Но просто «устраиваться», приспособливаться к этой жизни этот эмигрант не может. Он уже приехал сюда с безумной идеей создания русского хора, который бы доносил до американцев истинное русское искусство. Почему именно хор - носитель такой миссии? - Не только потому, что Качанов – великолепный профессионал – хоро дирижер, сформировавшийся в Новосибирске.

При всем жанровом разнообразии русского музыкального искусства 19-20 веков, как ни странно, именно в хоровой музыке - истинное воплощение русской музыки. В стране, где испокон веку подавлялось свободное слово, а там, где оно проявлялось, то становилось воплощением больших проблем, мучительных и бесконечных поисков истины, источником ожесточенных споров, распрей, именно совместное пение становилось неким актом согласия, вожденной гармонии, воплощением русского идеала красоты и веры... Вера - это, наверное, стержень русской ментальности. «В Россию можно только верить»... Поэтому и русская православная молитва, да и само русское представление о святости неотделимо от хорового звучания.

Подобно тому, как русская профессиональная живопись вышла из иконописи, так и профессиональная музыка - из древне-церковного одноголосного «*знаменного распева*». Он

являлся не столько русским аналогом западного *григорианского хора*, сколько настоящей системой мышления, можно сказать, образом жизни и воплощением самых высоких духовных устремлений. И даже, когда после церковного раскола 17 века удивительное развитие русского многоголосия на основе знаменного распева («*демественное*», «*строчное*» пение) было прервано введением в церковный обиход западного 4-голосия, национальная исконность и подлинность всегда были основой русской хоровой музыки, как духовной, так и светской. Поэтому и обращение русских музыкальных гениев к хору никогда не было случайным и просто данью национальным традициям. Даже для знатоков каждая встреча с хоровым опусом того или иного русского классика последних двух столетий – предмет совершенно свежих и неожиданных музыкальных впечатлений и переживаний. Таким образом, к концу 20 века русская хоровая музыка сложилась в целостный духовный мир, подчас совершенно неизведанный для самих русских. А что уж говорить об американцах, у которых представление о ней складывалось или по эмигрантским «народным» хорам или по Ансамблю Советской армии...

Вот с таким «багажом» и создавал Николай Качанов свой Хор. Одному Богу известно, как в кипящем разнообразии культурной жизни Нью-Йорка пробился этот русский голос... И **Тамаре Качановой**, наверное, тоже известно... Сколько же нужно понимания и чуткого проникновения в творческие устремления мужа, чтобы профессиональная пианистка и долголетний работник администрации «всего-навсего» Колумбийского Университета не только стала одной из ведущих певиц Хора, но и взвалила на себя всю организационно-административную часть, т.е. реальное воплощение этой идеи!

Это сейчас ясно, что появление в Нью-Йорке в 1984 году Русского Камерного Хора явилось началом особой страницы в культурной жизни «столицы мира». А тогда... И тем не менее впечатляет интенсивность деятельности Хора уже в 80-е годы. Вообще, если бы существовала летопись этого коллектива, наверняка это было бы неким увлекательнейшим путешествием, насыщенным яркими событиями, концертами, фестивалями, культурными акциями, встречами... Любое мало-мальское событие, связанное с русской культурой не мыслилось без участия этого Хора. И не было здесь места ни малейшему штампу а la «Очи черные» и не малейшей скидки на облегченную эстрадность. Русское искусство по самому «гамбургскому счету»... Знаменный распев, который и сейчас в России с большим трудом вносится в концертную практику, Русский Камерный Хор доносит до американцев уже с 80-х... А также духовные концерты 18 века, а также «*Литургию*» и «*Всенощное бдение*» С. Рахманинова, а также изумительные хоровые опусы С. Танеева, а также жемчужины Г. Свиридова (который мистическим образом там, в России услышал сетования Николая Качанова по «Голосу Америки» о нехватке нот и остром желании открыть американцам его музыку, и передал Качанову ноты потрясающих «Курских песен») ... И настоящие открытия духовной музыки П. Чайковского, библейских хоров М. Мусоргского и многое-многое другое...

Постигнуть, каким образом при любительском статусе Хора удастся добиваться необходимого для такого репертуара профессионализма, невозможно и по сей день. Конечно, на протяжении лет состав хора менялся. Местные русские певцы- энтузиасты постепенно сменялись более профессиональными американцами (притом, разного расово-национального

происхождения), влекомыми интересом к русской музыке. Впоследствии к ним присоединялись русские профессионалы – эмигранты, для которых подчас это – единственная возможность пребывать в бывшей профессии. Творчески – организационный тандем Николая и Тамары Качановых, в конце концов, явился неким ядром с мощной центростремительной энергией, притянувшей настоящих единомышленников. Наверное, именно благодаря этому сложился поразительный по интенсивности творческий ритм Хора, когда в каждый сезон создаются 2-3 новые программы, не считая участия в отдельных акциях. Причем, и удивительно чистое русское произношение и все аспекты музыкального профессионализма достигаются на одной еженедельной репетиции с разовыми дополнительными репетициями непосредственно перед выступлением!..

Вот так русский хор стал настоящей американской творческой единицей с характерным Нью-Йоркским интернациональным привкусом. И так была заложена основа для воплощения самых смелых творческих устремлений Николая Качанова.

В 90-е годы Русский Камерный Хор прочно занял свою особую нишу в культурной жизни Нью-Йорка, став настоящим законодателем в исполнении русской хоровой музыки. Более того, к этому времени изначальные цели Качанова, можно сказать, были достигнуты: изменилось само представление американцев о русской хоровой музыке. Американские хоры стали охотно включать в свои программы русские произведения, регулярно приглашая Н. Качанова и его Хор для сотрудничества. А в 2000-е многие русские культурные события уже и не мыслились без Русского Камерного Хора. Поэтому и открытие эпохальной выставки русского искусства в Музее Гугенхайма (2005) не могло состояться без участия этого Хора. И если в Нью-Йорке В. Гергиев исполняет 2-ю симфонию Г. Малера, а Ю. Темирканов кантату С. Прокофьева *«Александр Невский»*, то участие Русского Камерного Хора само собой разумеется. А если Владимир Ашкенази организует в Карнеги Холле фестиваль *«Музыка и диктатура»* (2003 г.) с широчайшим охватом музыки сталинского периода (от *«Здравицы»* С. Прокофьева до 13 Симфонии Д. Шостаковича), то без Русского Камерного Хора это уже немыслимо. А едкий, уморительно-сатирический *«Антиформалистический Раек»* Д. Шостаковича Русский Камерный Хор исполнял и на американской премьере под управлением В. Спивакова, и на вышеупомянутом фестивале - под управлением В. Ашкенази. И уж совершенно закономерным выглядят участие Хора в грандиозных проектах в лучших залах Нью-Йорка. Это и концертное исполнение оперы *«Электра»* греческого классика М. Теодоракиса в 2000г. в Карнеги Холле в присутствии самого автора, который был приятно удивлен качеством исполнения; и в 2004 там же - концертное исполнение уникальной, не очень известной даже в России, оперной эпопеи С. Танеева *«Орестея»* (часть *«Агамемнон»*). Это и потрясающее все-нощное мульти-культурное действо англичанина Дж. Тавенера *“ Veil of the Temple ”* в Линкольн – Центре и многое другое. Все это - свидетельство уже достигнутого. Но сам Н. Качанов устремился дальше...

В последнее десятилетие каждая новая программа Хора приносила настоящие открытия. Репертуар обогатился новыми, доселе неизвестными именами. Более того, каждая такая программа объединяла в себе совершенно неожиданную по разнообразию и временному охвату музыку. При этом, всегда этот творческий «произвол» Н. Качанова оказывался убедительным и органичным, ибо нес в себе какую-то определенную духовную

«сверх-идею». И опять же, как это по-русски! Истинно русский талант всегда пытается расширить духовное и художественное пространство ради постижения общечеловеческих идей, даже если это - за пределами собственно национальной традиции... И каждая такая программа запоминалась уже не только музыкальными откровениями, но и полноценным духовным раскрытием самой «сверх-темы» такого концерта, формулируемой часто в подзаголовке такой программы. Ну кто ж забудет концерт, посвященный 300-летию Санкт-Петербурга (2003), где мы получили редкую возможность ощутить в полной мере феномен Петербургской культуры в ее развитии от Кантов Петровской эпохи (деликатно аранжированных самим Н. Качановым), через романсную культуру дворянского салона и оперные откровения «Могучей Кучки» к стилистически отточенной «Оде» современного сибирского композитора Ю. Шибанова!

Неутомимый Качанов готов настолько глобализировать духовную сверх-идею, что уже несколько программ подчиняет одной теме. «*Параллели и пересечения*» - излюбленная его философская идея о том, что духовно-сходные явления существуют в совершенно различных культурах и эпохах параллельно и даже пересекаются. И под этим названием он последовательно создает потрясающий концертный цикл. Уже в первом концерте поразило совмещение в одной программе русского Знаменного распева и западно-европейского Григорианского хорала. А авторские произведения самого Н. Качанова, композитора, открытого неожиданным экспериментам, сами по себе явили параллели и пересечения различных культурных слоев (цикл «*Благодать*» на стихи Н.Рериха, хоровая поэма «*Отражение*»). И в этом же концертном цикле в прошлом году прозвучала уникальная программа «*Возвышенная и земная любовь*», в которую парадоксально и неожиданно убедительно вошли библейская «*Песнь песней*», рубаи Омара Хайяма, древнеиндийские тексты, воплощенные в музыке от итальянского и германского Возрождения до опусов, созданных буквально в последние годы!...

И все-же при всей содержательной и духовно-информативной насыщенности программ на этих концертах никуда не деться от моментов полного, «с закрытыми глазами» наслаждения от самого хорового звучания: этих захватывающих дыхание русских басовых низов, проникающей теплоты истинно русских лирических теноров, грудной «виолончельности» альтов и «жемчужной» яркости сопрано и их слияния в удивительную тембрально-выверенную хоровую ткань с полной «прочувствованностью» каждой музыкальной и словесной интонации – всем тем, что здесь в Америке называют «русской манерой пения». Кажется, что технические возможности Хора – безграничны и ему подвластны любые стили! И Качанов это активно использует: кроме этой «русской» манеры, мы уже слышали и совершенно адекватное звучание западной ранней полифонии, и элементы тувинского горлового пения. А когда в прошлом году в «цветастой», веселой и ностальгически-трогательной программе русских народных песен вдруг группа солисток затянула открытым, «деревенским» звуком, заполняющим все пространство этническим «космосом», впечатление от этого осталось ничуть не меньшим, чем от самой «высокой» классики...

Что и говорить, Русский Камерный Хор «приучил» нас к каждому своему выступлению, как к событию...

И вот перед нами – майская афиша. «Духовная музыка в Советскую Эпоху». Что? Опять политика?

-Да что вы!

Это только на первый взгляд, непримиримо жестокое отношение советской власти к любым проявлениям православной религии в музыке кажется бессмысленным. Ведь вполне допускались в концертную практику западные мессы, реквиемы, мотеты, Баховские хоралы. Все это вполне сходило под ранг «наследия мировой культуры», которое являлось необходимым пунктиком в моральном облике «строителя коммунизма». Религиозное содержание текстов на «мертвой» латыни или немецком было, по мнению идеологов, достаточно далеким от советского человека. Ну а духовные тексты на русском или старославянском, они-то чем угрожали идеологической цитадели? Художественные достоинства «*Всенощной*» Рахманинова, например, всегда были очевидны! Так почему же надо было запрещать? Или вставлять в духовные произведения русских классиков вместо канонических текстов слова про «*летний вечер*», или «*светлую зарю*»? Неужели так уж всерьез руководствовались идеологическими вульгарностями, типа: «*религия – опиум для народа*»?

Многое объясняет потрясающая история, произошедшая с самим Николаем в 1978 году в Новосибирске. Тогда он, руководитель студенческого хора, получил ноты *Мотетов*, сочиненных Аскольдом Муровым, известным композитором из Сибири, бывшим в то время лидером сибирского отделения Союза советских композиторов и кафедры композиции Новосибирской консерватории. Тексты этих Мотетов - из Евангелия. Ну посудите сами, могли ли советские партийные чиновники допустить, чтобы публично звучали слова: «*Отче! Прости им. Ибо не знают, что творят*»; «*Блаженны изгнанные за правду... ибо велика ваша награда на небесах*»; «*Так гнали пророков, живших прежде вас*»...? Естественно, после первого исполнения этих мотетов в Консерватории они были запрещены. А на отчетных концертах в Москве, которые уже нельзя было отменить, разрешили исполнить только один Мотет без текста, закрытым ртом. Николай говорит: «*Я просил хористов петь, мысленно произнося изгнанное Слово, сохраняя его в музыкальном интонировании*». Вот это немое Слово – и есть потрясающий образ духовной музыки в советскую эпоху. Композиторы создавали ее, эту музыку, что называется «в стол», создавали только из внутренней необходимости. Так что, изначально заявленная такая тема концерта предполагает музыку особого духовного и гуманистического накала.

В этой программе – вообще много удивительного.

Во-первых, это совместный проект с известным американским камерным хором **The Canticum Novum Singers** под управлением своего многолетнего художественного руководителя **Харольда Розенбаума**, для которых при всем опыте исполнения духовной музыки, это будет едва ли не первое соприкосновение с русской музыкой.

Во-вторых, центральной фигурой этой программы будет... **Альфред Шнитке (1934-1998)**. Да-да, тот самый нон-конформист, лидер музыкального полу-подпольного авангарда. Он всегда был «свой среди чужих, чужой среди своих», начиная со своего немецко-еврейского происхождения и католического вероисповедания и заканчивая своей

«невписываемостью» как в советский музыкальный «мэйнстрим», так в любой из современных ему «измов».

Конечно, Шнитке – крупнейшая фигура в русской музыке последних десятилетий 20 века. Его музыка в любых жанрах поражает как профессионалов, так и любителей. Новаторские находки, отточенность композиторской техники, коллажные совмещения музыкальных комплексов разных эпох, и в то же время непосредственная яркость музыкального языка и образов. Даже его киномузыка явилась неотъемлемой частью шедевров советского кинематографа. Интеллектуал «самой высокой пробы», да еще и признанный теоретик музыки. И при всей его успешности на Западе, высокой моральной репутации, диссидентской ауре настоящего интеллигента, он – несомненно трагическая фигура (в чем он, конечно, очень русский...)

Но и при всем этом, его *«Концерт для хора»* - совершенно «из ряда вон выходящее» явление. Созданный еще в «глухие» 1984-85гг., он впервые был исполнен 9 июня 1986 года в Москве в Музее изобразительных искусств. Несмотря на такие «камерные» условия, само исполнение явилось настоящим событием, предвещавшим перемены..

Шнитке и раньше обращался к хоровой музыке. И каждое такое произведение имело не только в той или иной степени духовно-религиозную основу (чаще, католическую), но и совершенно индивидуальную, композиторски отточенную музыкальную идею. Но по поводу именно этого произведения сам композитор высказался предельно четко: *«Я написал ту музыку, которую вызвал этот текст, а не ту, которую хотел сам»*. Совершенно неожиданное признание для такого яркого индивидуума!

Итак, изначально здесь – Слово! Текст и в самом деле уникален! Вряд ли можно найти в мировой культуре что-нибудь подобное *«Книге скорбных песнопений» Григора Нарекаци*. О самом монахе Григоре, гениальном армянском поэте, богослове, философе известно очень немного: лишь годы его жизни (951-1003) и некоторые отрывочные факты биографии, самым несомненным из которых является то, что он обитал в монастыре Нареки, где и прошла его жизнь довольно тихо среди обычных монашеских занятий и литературных трудов. В 977 году он написал толкование библейской *«Песни песней»* как откровения божественной любви. В дальнейшем им были написаны похвальные слова Кресту, Деве Марии, святым, многочисленные толкования тех или иных канонических текстов, кроме того в *«Житии Григора Нарекаци»* упоминается 97 богословских речей, написанных им, гимны, проповеди и поминовения святых мучеников. Все это - почтенные образцы средневековой армянской литературы. Но именно *«Книга скорбных песнопений»*, написанная за три года и законченная в 1002 году создана для всех людей и на все времена. Для армян же – это народная библия, которую хранили в каждом доме. Ее текстам приписывали чудодейственные свойства – их читали тяжело больным или клали саму книгу в изголовье больного... Литературовед С.С. Аверинцев метко заметил: *«Гений редко бывает также и святым.....; но гений и святой в одном лице, про заступничество которого рассказывали бы в народе такие мягкие по тембру легенды, какие связывает армянская агиография (вид церковной литературы - жизнеописания святых – А.А.) с именем Григора, - это, кажется единственный в своем роде случай»*.

«Книга скорбных песнопений» написана на грабаре, древнеармянском языке, который применяется при богослужении и в настоящее время. Ее называют поэмой, хотя она в подлиннике не рифмована за исключением нескольких фрагментов. За 10 веков она в полном объеме переведена на многие языки мира, в том числе и на русский, действительно, став общечеловеческим достоянием (в 2003 году под эгидой ЮНЕСКО отмечалось 1000-летие «Книги скорбных песнопений»). В ней - 95 глав, каждая из которых в свою очередь состоит из трех или четырех песен-плачей. Каждая из этих глав начинается характерным зачином: «Слово к Богу, идущее из глубины сердца». И действительно, каждая песнь – это какой-то особый разговор с Богом, не просто возвышенный, но очень земной, человеческий, эмоциональный, искренний, проникнутый раскаянием, размышлением о человеческом бытии и мироздании, преодолении пороков и мучительных сомнений и страстным поиском духовной чистоты, выраженных удивительным поэтическим языком, полным библейских аллюзий, не прямых цитат и выражений из священных текстов. Обращение к Богу идет от первого лица, но это интимное «я» - какое-то всечеловеческое. Нарекания как бы дают возможность каждому из нас быть этим «я» на своем пути духовного обновления... И при этом, поэт полностью осознает свою миссию перед богом и людьми:

*Пусть обратит мой труд, мое усердье
Себе во благо человек любой.
И стих мой, став молитвой и мольбой,
Да вымолит Господне милосердье!*

Выдающийся переводчик восточной литературы Наум Гребнев сделал стихотворный перевод многих глав «Книги скорбных песнопений», оказавшийся не только предельно близким к подстрочнику, но и замечательным продолжением традиции русской религиозной поэзии, освященной именами А. Пушкина, Б. Пастернака и других. Именно в этом виде эти тексты оказались в распоряжении А. Шнитке. За основу композитор взял полный текст 3-ей Главы «Книги...» Г. Нарекания. Четыре Песни, входящие в эту главу, стали основой для классической 4-х частной структуры Концерта.

Трудно словами о музыке... Но она – не просто кон-гениальна Тексту, не просто передает тончайшие нюансы этой поэзии. Она, эта музыка, сама по себе воплощает удивительный непрерывный духовный поток эмоций и сознания в обращении к Небу, молитвенное потрясение и осмысление, заложенное в тексте. «Концерт для Хора» А. Шнитке явно воссоздает традиции Русского духовного концерта 18 века. Но вместе с тем в этой музыке находят отражение и интонации древних армянских песнопений, и русский знаменный распев, и европейская средневековая ранняя полифония, и, конечно, яркие черты стиля самого Шнитке, особенно в потрясающих сопоставлениях диссонантных и «чистых» гармоничных звучаний, и в необычайно выразительных мелодических линиях.

Конечно, исполнение этого произведения – настоящее испытание на зрелость и профессионализм для любого хора. Поэтому каждое, достаточно редкое его исполнение, само по себе является событием...

Во 2-ом отделении программы оба хора объединятся для совместного исполнения «Концерта...».

А 1-е отделение будет отведено для «индивидуальных» выступлений каждого из коллективов. **Русский Камерный Хор** исполнит под управлением Н. Качанова еще один замечательный хоровой опус А. Шнитке «Три хора *a capella*», являющий собой эквивалентное по красоте и насыщенности воплощение трех основных православных молитв: «*Богородице Дево, радуйся...*», «*Господи Иисусе Христе...*» и «*Отче наш.....*». Этот цикл создан в 1984 году в непосредственном предшестве вышеупомянутого «*Концерта для хора*».

А еще будет исполнено песнопение **Н. Голованова** «*Пламенем любви распали к Тебе сердца наша, Христе Боже...*». Это – тот самый Николай Семенович Голованов, знаменитый советский дирижер, Народный Артист СССР, многократный лауреат Сталинских премий, в разное время бывший главным дирижером Большого симфонического оркестра СССР и Большого театра. Ну кто же знал, что этот замечательный профессионал еще до революции в 1915 закончил Синодальное училище церковного пения и в самой гуще Сталинского «рая» тайно творил удивительные по красоте духовные песнопения?...

И еще раз Хор исполнит уже звучавшее «*Песнопение*» без слов сибирского композитора **Ю. Юкечева**, еще один пример той самой «немой» духовной музыки...

А в исполнении **The Canticum Novum Singers** под управлением Харольда Розенбаума мы услышим музыку еще одного корифея, эстонца **Арво Пярта** (р. 1935), который после смерти А. Шнитке (в 1998) остается, на сегодняшний день, единственным ярчайшим представителем музыкального «диссидентства» советской эпохи. Будучи, как и Шнитке, одним из столпов музыкального авангарда, Пярт уже к концу 70-х полностью ушел в религиозные глубины, став не только верующим православным христианином, но и творцом по-настоящему религиозно мотивированной, удивительной по простоте средств и одухотворенности музыки (созданной, в основном, после его эмиграции на Запад в 1979 году). Мы услышим его «*Триадион*», написанный на тексты канонической церковной книги «*Триодъ постная*» в 1998 году.

А еще с подачи Н. Качанова американский хор исполнит один из тех самых *Мотетов* **Аскольда Мурова**, о которых был рассказ выше. И, наконец, состоится премьера произведения молодого американского композитора **Nicholas Reeves "In Memoriam Dmitri Shostakovich"**.

Программы обоих концертов:

в Субботу 15 мая в 8ч. вечера в

St. Ignatius of Antioch Episcopal Church

552 West End Avenue at 87th Street, NYC

и

в Воскресенье, 16 мая в 3 часа дня в

Madison Avenue Presbyterian Church -

921 Madison Avenue at 73rd Street, NYC

практически идентичны. Единственное различие – во 2-м отделении: 15-го мая объединенным хором дирижирует Харольд Розенбаум, а 16-го – Николай Качанов.

В общем, понятно, что мы вполне можем ожидать от этих концертов настоящих художественных и духовных откровений, столь характерных для любой встречи с Русским Камерным Хором Нью Йорка.

Так что же это такое - «русское»? Пресловутые философские вопросы, на которые нет ответа, какая-то бесконечная неустойчивость и разобщенность? *(Ну разве не является свидетельством этой разобщенности тот факт, что наш «русский» бизнес готов оплачивать любые «отправления» российской попсы, а Русский Камерный Хор, предмет настоящей гордости русских здесь, до сих пор оплачивает аренду помещений, записи и гонорары приглашенным солистам с выручки концертов и разовых вливаний своих почитателей ?!).*

Или же все-таки «русское» - это некая непостижимая над-национальная «всемирная отзывчивость», объединяющая в своем гуманистическом пространстве разные культуры, нации. И разве не эту «надмирную гармонию» мы чувствуем в тихом единении «разноплеменных» душ на концертах Русского Камерного Хора? Может быть в этом и есть «русская ниша» в человеческом «разноцветье» Нью-Йорка, да и всеобщем человеческом культурном пространстве...

Опять русский идеализм и неумные идеи планетарного уровня???

Но, в конце концов о том, что «*Красота спасет мир*» тоже было сказано по-русски! И ей-же Богу, на концертах Николая Качанова и его Хора это не кажется утопией...

Аркадий Айзен